

**«ПОЕДИНОК С ДРАКОНАМИ»:
ТЕМА ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА
В РОМАНЕ Р. ГАРИ «ЧАРОДЕИ»**

Инга Валерьевна Сулова

к. филол. н., доцент, доцент кафедры мировой литературы и культуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь ул. Букирева, 15.
inga_sus@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2834-6842>

Мария Александровна Ерыпалова

студентка факультета современных иностранных языков и литературы,
«Лингвистика» («Перевод и переводоведение»)
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15.
marcial24316@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.05.2021

В статье анализируется тема литературы и литературного творчества в романе французского писателя Ромена Гари «Чародеи» (1973). Отмечается концептуальное влияние традиции пикарески на роман «Чародеи» и на творческое мировоззрение писателя в целом: романист, подобно пикаро, свободен от любого рода власти, мистифицирует читателя, погружает в мир иллюзий. В контексте анализа темы литературного творчества основное внимание уделяется мотиву драконоборчества. Делается вывод о том, что посредством метафоры «дракон» герой-повествователь демонизирует Время и Реальность, порабащившие человека, заявляет своё творческое кредо как драконобичество во имя свободы и вечной любви, которые дарует иллюзия искусства.

Ключевые слова: Ромен Гари, роман, пикареска, воображение, дракон.

В творчестве французского писателя Ромена Гари (Romain Gary, 1914–1980) отчётливо проявляются автобиографическое начало, следование традициям автопсихологической прозы¹. В этом контексте большой исследовательский интерес представляют темы литературного творчества и истории становления творческой личности. Особенности развития они получают в «ретроспективных» романах с молодым героем: «Обещание на рассвете» (*La promesse de l'aube*, 1960), «Жизнь впереди» (*La vie devant soi*, 1975; опубликован под псевдонимом «Эмиль Ажар»), «Чародеи» (*Les Enchanteurs*, 1973).

Рожденный в Российской империи в год начала первой мировой войны, рано утративший связь с Родиной, художник периодически использует русские аллюзии: псевдоним («Gagu» – от повелительной формы русского глагола «гореть» – «гори!»), темы русского детства, эмиграции, «“экзотические” детали и лейтмотивы, создающие шаблонный и стереотипный образ России» [Шишкина 2004: 6]. Однако «Чародеи» признаётся единственным «русским» романом Ромена Гари [Там же]. Мы прокомментируем произведение, прежде всего, с позиций романа о художнике.

Основное сюжетное действие разворачивается в Санкт-Петербурге, в XVIII в., во времена правления Екатерины Великой. В центре повествования – история семейства чародеев-иллюзионистов Дзага (Zaga), потомков бродячих венецианских акробатов: «Они перебрались в Россию, когда Петр Великий открыл для Московия просвещенный Запад. <...> Ренато Дзага прибыл из Венеции, имея с собой всего-то одну ученую обезьяну, несколько реликвий, костюм Арлекина и пять пустотельных деревянных булав в форме бутылки, какими до сих пор пользуются жонглеры» [Гари 2004: 8²]. Образ России в романе формируется сочетанием лубка и фантазмагории. Очевидно, Гари ориентировался на впечатления «первооткрывателей» Империи – письма и путевые очерки европейских путешественников XVIII в.: К. де Брюина, Ф. Альгаротти, Дж. Казановы, Д. Дидро и др. В романе царит атмосфера игры и карнавала, используются элементы поэтики комедии dell'arte: традиционные маски (Арлекин, Коломбина, Пьеро, Пульчинелла), мотивы двойничества, система метафор «жизнь – театр», «жизнь – балаган» и т.д.

Повествование ведется от лица Фоско Дзага – он пишет роман, в котором рассказывает собственную историю и историю своей семьи с «1760 года и до наших дней», т.е. до начала 70-х гг. XX в. Герой-повествователь, потомок венецианских «жонглеров, эквилибристов, фокусников и канатоходцев», – тоже чародей, он обладает секретом долголетия, весьма свободно обращается со временем и Историей: водит дружбу с Томасом Манном, знаком с Прустом и Дюма, вальсирует на балу у графа Пушкина, «отца будущего великого поэта» (296). Интересно, что один из псевдонимов Ромена Гари – «Фоско Синибальди», под ним он опубликовал роман «Человек с голубем» (*L'homme à la colombe*, 1958). Писатель признавался, что это имя – одна из попыток «вырваться» за пределы стереотипа восприятия: «Я чувствовал, что писательская известность, вся система мер и весов, по которой оценивались мои книги, “лицо, которое мне сделали”, несовместимы с самим духом этого романа» [Гари].

В самом начале Фоско Дзага заявляет, что настоящим Рассказчиком в его книге является детство. В ходе повествования развивается мысль о том, что детство – это не только этап жизни, но и особое творческое состояние души и сознания, отмеченное безудержным воображением, способностью видеть чудесное в повседневном. Жизнеописание строится в традициях пикарески: авантюрная природа героя-повествователя, гротеск, ироническое отношение к миру, хронотоп дороги и т.д. Пикареска – одна из ключевых жанровых моделей для Р. Гари, до романа «Чародеи» он уже обращался к этой форме в романах «Пляска Чингиз-Хайма» (*La danse de Gengis Cohn*, 1967), «Повинная голова» (*La tete coupable*, 1968). А свою концепцию романа и романного творчества писатель обосновал в эссе «За Сганареля. Поиски персонажа и романа» (*Pour Sganarelle. Recherche d'un personnage et d'un roman*, 1965). Сганарель – персонаж семи комедий Ж. Б. Мольера, с одной стороны он протестищен, в конкретных пьесах выступает в разных социальных ролях и комических ситуациях, с другой – обладает внутренним единством: это амплу простака и незадачливого обманщика. Одна из наиболее известных репрезентаций образа Сганареля – комедия «Дон Жуан, или Каменный гость» (1665), где он слуга и спутник Дона Жуана, его комический двойник. Р. Гари уподобляет романиста Сганарелю, который «вечно находится в услужении у своего господина – Романа» [Gary]. Ключевым в эссе является положение о тотальном романе (*un roman total*), «охватывающем и персонажа, и автора». Тотальный роман предполагает полную свободу как творческого воображения, так и «самосотворения» автора, таким образом он реализует идеи многомерности и многообразия человеческого существования, победу над судьбой и предопределением. Его цель – создать иллюзию подлинности прочитанного. Как уточняет Ж. Леблан-Рошетт, для Романа Гари «качество романа определяется его способностью убедить читателя в существовании вымышленного мира» [Leblanc-Rochette 2018]. Вымысел и обман «выполняют парадоксальную функцию, поскольку формируют единственное, что является подлинным для Гари: художественную литературу» [Ibid].

Тотальному роману противопоставлен тоталитарный (*un roman totalitaire*), ангажированный, утверждающий власть реальности и абсолютной истины. По мнению Р. Гари, «Тоталитарная правда несовместима с романом. Строгость абсолютной истины – единственное, что способно его убить. Роман не может одновременно служить и быть хозяином самому себе» [Ibid]. Концепция тотального романа Р. Гари обретает художественную форму и развитие в жанре пикарески. Как отмечает Е. К. Борисеева: «Создавая художественный универсум, ро-

манист-пикаро может использовать любую фантазию, любую мистификацию <...> Фигура рiсаго помогает Гари обосновать игровое начало творчества. Условность искусства – это своего рода правила игры, которые устанавливают между собой автор и читатель. Романист открыто играет, мистифицируя реальность; читатель же, в свою очередь, зная, что его дурачат, охотно поддается обману. Каждый из них имеет свою выгоду: и автор, и читатель получают возможность приобретать в творчестве новые идентичности, что не позволяет им делать строгая Власть» [Борисеева 2005: 31].

Исследователи полагают, что роман «Чародеи» является «одной из наиболее последовательных реализаций на практике авторской концепции современного пикарескного романа, представленной писателем в литературно-критическом эссе “За Сганареля”» [Шервашидзе 2018: 270]. Роман изобилует метатекстовыми включениями: повествователь открыто обращается к читателю, размышляет о соотношении правды и вымысла в творческом акте, об искусстве романа. Тема творчества в романе «Чародеи» реализуется посредством целого комплекса ярких мотивов: шутовство, драконоборчество, чародейство, маскарад.

Мотив драконоборчества наиболее активно проявляется в «детских» главах романа. Первые годы жизни героя связаны с поместьем Лаврово Краснодарской губернии, которое расположено «в самом сердце дремучих русских лесов, столь располагающих к суевериям и легендам» (7). Вспоминая детские годы, герой-повествователь заключает: «... неизведанное, как ничто другое, развивает душу ребенка, и глухие леса вокруг Лаврово дали простор моему воображению, открыв предо мною тысячи троп, которые я беспрестанно исследовал. Лет с шести я принялся населять их чудовищами и чародеями» (7). В контексте описания пробуждения детского воображения под влиянием сказок ощутима аллюзия к традиции романтического мистицизма Э.Т.А. Гофмана, А. Погорельского и др. Среди сказочных противников, с которыми юному Фоско приходилось сражаться встречаются и драконы: «...я кидался очертя голову в тысячи сражений. Особенно много их происходило с сиреневыми драконами в желтую крапинку, которых я раздирал в клочья...» (4). Как можно увидеть, в основном эти драконы не представляют угрозы, наивная яркая окраска придаёт им безобидный, «игрушечный», характер. Наиболее опасным противником юный чародей признавал охристо-голубого дракона, который пусть и подчинялся ему, но был «любителем поспорить ни о чем <...> похваливаясь логикой, пагубной для искусства», он заявлял с менторским высокомерием, что я не могу его уничтожить, потому что он не существует в природе» (23). Повествователь признает: «Так, сам того

не зная, я столкнулся со злобным образчиком реализма, подлой цензурой этого мира, которая норовит задушить тот нарождающийся мир, первыми обитателями которого являются мечтатели и поэты» (23).

Отец-чародей предупреждает героя: «когда ты вырастешь, не забудь, что самые страшные чудовища невидимы. Именно этим они и опасны. Их нужно суметь почувствовать» (8). Фоско предстоит узнать, что самыми злейшим и наиболее опасными драконами являются Время и «паскуда реальность» (*engeance du réel*). Время – самый давний сообщник реальности. Время – «гнусная тварь», «хвостатая мерзость». Оно «терпеть не может все тварное» и с особой жестокостью относится к книгам, потому что «боится этих переносчиков заразы, заразы вечности, в которой мысли оживают и всегда готовы хлынуть потоком». Венецианский книжный шкаф в петербургском кабинете отца представляется герою хранилищем семейной магии. Научиться читать для героя означает быть посвящённым в рыцари. В Петербурге рыцарь-Фоско несёт службу у книжного шкафа, охраняет его от дракона-Времени. Его цель: «схватить Время за хвост и прикончить его ударом палки, чтобы спасти все то, что было в книгах, чтобы книги никогда не старели, чтобы никто никогда не умирал, а я никогда не разлучался ни с отцом, ни со щенком Мишкой, ни с моими друзьями-дубами и чтобы всю жизнь все оставалось как теперь, таким же счастливым» (15).

Миссия всех чародеев – сражаться с реальностью и Временем. Отец даёт наставления герою: «Наше дело, состоит в том, чтобы помогать людям обвести вокруг пальца предмет их желаний – существующий мир. Побуждать к мечтанию – вот начало начал». Пленять, обольщать, поддерживать веру и давать надежду, волновать, но не тревожить, вышатыть душу и разум, одним словом – очаровывать. По словам староро-чародея, «искусство – это прежде всего праздник» (29).

В отличие от других представителей своего рода, Фоско долгое время не может определиться с чародейским амплуа. Оставаясь верным традициям семьи, он вместе с тем ищет путь, которым никто еще не следовал: «Я пройду тот же путь, что и все Дзага, но оставлю звездам их игры в волчок и их обязанность освещать небосклон и, вместо того чтобы терзать их вопросами о нашей судьбе, сам буду мастером по созданию тысяч судеб» (27). Таким образом, литература, по его мнению, превосходит все другие формы чародейства, так как позволяет *творить судьбы*, в том числе и свою собственную, в *многочисленных вариантах* и проекциях. «Карьера романиста» открылась для Фоско в тот момент, когда он разобрал отцовские часы, заявив таким образом победу над Временем (46). Комментируя особенности повествования творимого произведения, он прежде всего отмечает пренебре-

жение хронологической последовательностью: «тороплюсь ухватить хоть что-нибудь наугад из тех таких разных жизней, которые прожил: уже более тридцати томов стоят на моём подоконнике <...> иногда пренебрегаю правилами последовательного изложения фактов» (28).

Тактика самопрезентации Фоско-повествователя эксцентрична, соответствует ярмарочной театральной традиции. Рассказывая историю своего творческого самоопределения, он вступает в диалог с читателем – заручается его поддержкой и доверием, объясняется в любви, рассыпается в благодарностях, предупреждает, что иногда пренебрегает законами правильно построенного повествования, это тоже часть чародейства – запутать, заинтриговать, спрятать в рукав. «Меня заботит лишь одно — нравиться публике, развлекать ее, завоевывать ее милости, получать знаки ее внимания, видеть улыбку одобрения», быть увеселителем, “позолотителем пилюль”» (47).

Дедушка Ренато перед смертью посвятил отца героя в «глубочайшие и блаженные тайны». Первой тайной была «красивая книга в богатом переплёте», несколько страниц в ней были чистыми: «Белая страница означает, что ничего ещё не сказано, ничего не потеряно, что ещё многое нужно создать и исполнить. Белая страница – это надежда, вера в будущее» (44). Эта тайна поначалу разочаровала героя, но в последствии стала откровением, определила его чародейской будущее. Чистые страницы, «абсолютно белые, не осквернённые никакими записями, никакими постулатами или примерами, не было и следа каких-либо символов или абсолютных догм» (205), дают понять, что творчество – абсолютная свобода, в том числе и от теоретических оков, шаг в неизведанное. Произведение искусства каждый раз рождается заново, образ, воссозданный в нём, неповторим.

С течением жизни Фоско Дзага убеждается в том, что литература как никакое другое искусство может говорить о любви. Стимулом к его собственному творчеству и темой творимого в присутствии читателя романа является любовь к юной мачехе – венецианке Терезине. Интересно первое появление этой героини: «я увидел Коломбину. Я слишком сроднился с персонажами *commedia*, чтобы не узнать ее с первого взгляда» (56). С Терезиной-Коломбиной постоянные аллюзии к традиции *dell'arte* обретают ещё и высокий, драматический подтекст. Герой-повествователь, подобно Арлекину, с которым и соотносит себя, сердцем, воображением и естеством стремится к Коломбине, тогда как в образе стареющего отца Фоско, Джузеппе Дзага, начинают проявляться черты комических типажей мужа-рогоносца, доктора-шарлатана. Но любовное воссоединение Фоско-Арлекина с Терезиной-Коломбиной возможно только через акт творчества. Ещё в юности будущий романист

делает открытие, «что человек есть творение воображения и что его надо постоянно придумывать, создавать и воссоздавать» (206).

В конце концов история семьи Фоско вырывается за пределы пестербургского дворца: комедиантов, выступивших на большую дорогу с целью возвращения в Венецию, подхватывает отчаянный вихрь русской смуты. Подобно всем представителям своего племени, они кочуют в палатках, дают представления в самых невозможных обстоятельствах. Романист-повествователь, Фоско Дзага, признаётся, что восстание русских крестьян в начале XIX века – станет основой сюжетов многих его романов, за некоторые из них он даже удостоится премии Эразма в области литературы³. Терезина болезненно переживает тяготы путешествия, она угасает, но просит героя: «Я хочу, чтобы ты продолжал придумывать меня, воображать. Не хочу, чтобы всё это закончилось. Хочу, чтобы ты продолжал придумывать меня столько, сколько будешь жить <...> Мне нужно, чтобы обо мне мечтали» (223). Именно любовь делает Фоско Дзага не просто обманщиком, а чародеем, дарует сверхъестественные возможности. Он не может теперь умереть, дракон-время теряет над ним всякую власть: «Когда ваша возлюбленная исчезает, века и годы, секунды, вечность, часы и времена года больше не обращают внимания на время и не поддаются подсчётам; мне кажется, что нельзя полюбить, не став при этом долгожителем» (270). Но если «бесконечное время» вдруг начинает «застывать», освободиться от него помогают мелодия аккордеона, звук рояля, скрипки, а кроме того – «Терезина живёт в каждой народной песне». Животворные звуки пробуждают воображение: «Я хватаю волшебную палочку и возвращаю Терезину <...> Моё перо летает по бумаге, и снова всё становится возможным. А под пером проносятся века, год – за строчку» (270). Источник *смелости* воображения героя, благодаря которому он может «мечтать» о Терезине, «придумывать» её – силы, данные «лаврскими дубами». В их таинственных куцах он совершил свои первые победы над драконами Время, Реальность, Здравый смысл, поэтому важным условием творчества является память детства. В период отчаяния Фоско осознаёт: «Это не Терезина чахла, а моё воображение. Я стал мужчиной» (311). Взрослые всегда бессильны перед этими чудовищами. Быть чародеем в искусстве возможно только оставаясь ребёнком, смело вступающим в схватку с драконами. Даже если тело Терезины предано земле, Фоско спасает её, живую и весёлую из лап смерти. «Я так счастлива, что выздоровела, Фоско. Я обязана тебе жизнью. Ты сохранил в себе больше ребёнка, чем я думала. Я никогда не постарею, – заявил я. – Это очень легко. Нужны лишь чернила, бумага и сердце бродячего артиста» (333).

Ромен Гари намеренно закрепил за собой репутацию мистификатора, обманщика и провокатора от литературы, убедительно обосновав её в эссе «За Сганареля»: уподобившись пикаро, лукавому комедианту, писатель обретает абсолютную свободу, над ним не властны идеологии, Время, судьба. В романе «Чародеи» творческий путь художника представлен как бесконечный поединок с кровожадными чудовищами – драконами Время, Реальность, Здравый смысл. К сожалению, они бессмертны, постоянно подстерегают человека, стоят на пути к счастью и любви. Художник – драконоборец-чародей, развлекая, дарит надежду и утешение. Однако, по мнению Ромена Гари, читателю важно полагаться не только на защиту художника, но и на свое воображение.

Примечания

¹ См. подробнее: Шишкина Г. Ю. Русское начало в произведениях французских писателей XX века («Такая долгая дорога» А. Труайя, «Обещание на рассвете» Р. Гари, «Детство» Н. Саррот, «Французское завещание» А. Макина): автореф. дисс ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 24 с.

² Далее роман цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках – *И.С., М.Е.*

³ Премия Эразма – ежегодная премия, вручаемая начиная с 1958 года нидерландской некоммерческой организацией «Фонд Эразма» за вклад в европейскую культуру и общественную жизнь. Ромен Гари не был удостоен этой премии.

Список литературы

Борисеева Е. А. Концепция современного романа в эстетике Ромена Гари // *Вестник БДУ. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика.* Минск: БДУ. 2005. № 1. С. 29–32.

Гари Р. Жизнь и смерть Эмиля Ажара / пер. с фр. И. Кузнецовой. URL: https://imwerden.de/pdf/gary_zhizn_i_smert.pdf (дата обращения: 20.05.2021).

Гари Р. Чародеи / пер. с фр. А. Садовского. Минск: ПКООО «Макбел», 2004. 336 с.

Шервашидзе В. В. «Воображаемое» и «пережитое» в романах Ромена Гари // «Вопросы литературы», 2018. № 4. С. 264–285.

Шишкина Г. Ю. Русское начало в произведениях французских писателей XX века («Такая долгая дорога» А. Труайя, «Обещание на рассвете» Р. Гари, «Детство» Н. Саррот, «Французское завещание» А. Макина): автореф. дисс ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 24 с.

Gary. R. Les Enchanteurs. | Paris, Gallimard, coll. «Folio», 1988. 373 p.

Gary. R. Pour Sganarelle. Recherche d'un personnage et d'un roman. URL: https://bibliotheques.paris.fr/Default/doc/SYRACUSE/10790/pour-sganarelle-recherche-d-un-personnage-et-d-un-roman?_lg=fr-FR (дата обращения: 25.06.2021).

Leblanc-Rochette J. Le mensonge qui libère et qui aliène: le paradoxe des Enchanteurs de Romain Gary // *Mensonge et littérature. Revue Chameaux* — n° 10 — hiver 2018. URL: <https://revuechameaux.org/numeros/mensonge/le-mensonge-qui-libere-et-qui-aliene-le-paradoxe-des-enchanteurs-de-romain-gary/> (дата обращения: 18.06.2021).

**“FIGHT WITH DRAGONS”:
THE THEME OF LITERARY CREATIVITY
IN R. GARY'S NOVEL «THE ENCHANTERS»**

Inga V. Suslova

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of World Literature and Culture

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15.

inga_sus@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2834-6842>

Maria A. Erypalova

Student of the Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures, «Linguistics» («Translation and Translation Studies»)

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15.

marcial24316@gmail.com

The article analyzes the theme of literature and literary creativity in the novel by the French writer Romain Gary «The Enchanters» (1973). The conceptual influence of the picaresque tradition on the novel «The Enchanters» and on the creative worldview of the writer as a whole is noted: the novelist, like the picaresque hero, is free from any kind of power, mystifies the reader, plunges into the world of illusions. In the context of the analysis of the theme of literary creation, the main attention is paid to the motive of dragon fighting. It is concluded that through the metaphor “dragon” the hero-narrator demonizes Time and Reality, enslaving man, declares his creative credo as dragon-fights in the name of freedom and eternal love, which are bestowed by the illusion of art.

Keywords: Romain Gary, novel, picaresque, imagination, dragon.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сулова И.В., Ерыпалова М.А. «Поединок с драконами»: тема литературного творчества в романе Р. Гари «Чародеи» // Мировая литература в контексте культуры. 2021. № 12 (18). С. 43–51. doi 10.17072/2304-909X-2021-12-43-51

Please cite this article in English as:

Suslova I.V., Erypalova M.A. «Poyedinok s drakonami»: tema literarnogo tvorchestva v romane R. Gari «Charodei» [“Fight with Dragons: The Theme of Literary Creativity in R. Gary’s Novel “The Enchanters”]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture], 2021, issue 12 (18), pp. 43–51. doi 10.17072/2304-909X-2021-12-43-51